

ОРК

4965

I-XX

СТИХОТВОРЕНІЯ

Михайла Чучелова

— 1914—1918 г. —

УТРЕННИКЪ.

Со статьей А. Г. Туркина „Свѣжія Зерна“.

КНИГОУЧЕТНЫЙ

ОБЛ. ПОДЛЕЖИТЪ

г. СВЕРДЛОВСКОГО

г. Челябин., тип. „ДВЯТЕЛЬ“

196431

Три года тому назад ко мнѣ въ редакцію "Голоса Труда" зашелъ юноша, почти мальчикъ, и подаль объемистую тетрадь стиховъ и прозы. Я общалъ просмотрѣть тетрадь—юноша застенчиво расклавилъ ее на столѣ.

То были Михаилъ Тучеловъ. Въ тетради было много подражательнаго—это убого начинающихъ. Много было несовершенного и чуждого времени и хромыхъ метъ и это естественно для самоучки. Но въ этой толстой тетради много, какъ робкая зарница, вспыхивали свои образы, свои мысли—бродячьи и свѣжія.

Было напечатано первое стихотвореніе въ прозѣ "Дорога", а также нѣсколько другихъ. Я былъ искренно радъ, что въ тетради юнаго самоучки мнѣ удалось подслушать трепетный звонъ души. Потому я потерялъ автора изъ виду—жизнь часто бросаетъ людей въ разные стороны. Позднѣе мнѣ приходилось читать и печатанные стихи Тучелова, и я чувствовалъ, что молодое казваніе крѣпнеть, стихъ становится вѣстимымъ и тихимъ, достигаетъ до грани извѣстнаго. Но живымъ казалось, что поэтъ началъ также изгадывать въ чуждую душу и ловить въ ней извивы, незримые для моего глѣза... Я думаю, я вступилъ въ эту область поэтической жизни.

Надо привѣтствовать эту книгу—свѣжія зерна усталой земли, давно тоскующей о мирѣ и пѣняхъ любви...

Челябинскъ, 12 Ноября 1918 г.

А. Туркинъ.

СЛОВО ОТЪ АВТОРА.

НИИГОХРАНИЛИЩЕ

ОБЩ. БИБ. КОТЕНН
С. СЕРДЛОВСК

Рано утромъ вышелъ я въ поле, чтобы собирать росы.

Я былъ одинокъ. Въ одиночествѣ я пѣлъ и собиралъ росинки въ сосудъ, который былъ со мной. Сосуды я берегъ—это мои тетради. Росинкиа дѣлалъ—это стихи мои—и весь я отражался въ нихъ небольшой зѣркальностью, но два у сосуда не видѣлъ.

Я былъ одинокъ, и никто не видѣлъ лица созидающаго—только Солнце знало собираемыхъ по дорогѣ росинки и благословляло ихъ.

19643/1
И. Н. 1938 г.

АРХИВ

Такъ несъ я сосуды съ росинками и весь отражался въ милой широтѣ ихъ.

.. И Солнце благословило путь мой.

Предлагаемый первый сборникъ моихъ стиховъ стоитъ итъ азъ-тѣру слишкомъ дорого: цѣлѣтъ пять лѣтъ, полныхъ сомнѣній, мучительныхъ, исканій, радостей и разочарованій, прожито въ нихъ въ полномъ уединеніи и замкнутости.

Весь погруженный въ себя и созерцанія я не хотѣлъ и не коснулся глубинъ жизни современной, ибо не подѣ влияніемъ мига небдуманнаго должна пройти черезъ душу поэта наша неуклюжая и многострунная жизнь—только съ годами познается суть происходящаго и можетъ быть оценена по должному.

Въ сборникъ я внесъ нѣсколько стихотвореній, не бывшихъ въ печати, благодаря тому, что они не отвѣчаютъ „требованіямъ времени“ и нѣсколько интимны.

Нѣкоторые изъ помѣщенныхъ стиховъ относятся къ 1914—15 г. г., большинство же написано въ 1916—17—18 годахъ.

Прошу уважаемыхъ г. г. читателей извинить за невысокое качество бумаги сборника и обложки, но спѣшу напомнить, что въ настоящее время наблюдается чрезвычайно острая нехватка въ бумагѣ всѣхъ качествъ.

Авторъ.

Алексѣевскій рудникъ. Зима 1918 г.

Лирическія стихотворенія.

Въ саду.

—Цвѣты купите!...

—„Неужно мальчикъ:

Цвѣты мы сами“.

ПОЭТЪ.

Бого-Духъ я въ семействѣ Боговъ,
Бого-Царь надъ вѣлѣньями Вѣчности,
Я—Великій Властитель Міровъ,
Я—Начало Конецъ Безконечности!

Я—Верховный Владыка Временъ,
Солице—Богъ. испещренный сіяньями,
Зарождающій Царства Племеньъ,
Управляющій Мысли дыханьями,

Я звенящее золото словъ,
Я—изысканность всѣхъ утонченностей,
Я—Колдунъ, что узорности сновъ
Перевилъ изумрудомъ влюбленностей.

Я—Пророкъ и Учитель, и Вождь,
Я къ стремленіямъ звонъ призывающій,
Золотой и живительный дождь,
Павшій съ неба на міръ отживающій.

Я—Суровый Судья и Палачъ,
Я—Безумецъ, безцѣльно страдающій,
Тотъ всемірно надрывчатый Плачь,
Что звучитъ надъ землею умирающей.

Я—Священная Ласка Любви,
Я—дрожанье Звѣзды поцѣлуйное,
Алый пламень влюбленной Зари,
Лепетанье Ручья тихоструйное.

Я—Святой и Порочный и Злой.
Я—цвѣтокъ, окропленный росинками,

Вольный Соколы, Орелъ молодой,
Мотылекъ, отягченный пылинками.

Я—изгибистый Червь Дождевой,
Гнусный Гадъ, зарожденный Болотами,
Черный Демонъ надъ черной Землей
Я—Народъ, зараженный Заботами.

Я—губительный Ядъ Красоты,
Злой Уродъ между дивно Прелестными,
Павшій Ангелъ съ святой высоты
Въ грязь Земли Пеленами небесными.

Я—Напѣвность всемірная Лиръ,
Я—Огонь Міровыхъ Измѣненій!..
...Смерть моя остановитъ весь Міръ,
Кинетъ въ Пропасть гнилыхъ разложеній!..

Челябинскъ. Осень 1918 годъ.

ПОЭЗИИ.

Въ солнечныхъ снѣгахъ Тебя полюбить я,
Прекрасную.
Въ плывущихъ струяхъ лучей его встрѣтить
Тебя,
Стройно обвѣтую въ зорю атласную,
Въ алмазныя лачуги огня.
Жемчуги были по платью узорно розсыпаны,
Въ нитяхъ волосъ золотистыхъ дрожала
хризиды
Запахомъ лилій нѣрды упитаны
Были на стѣбахъ лѣнчить.
Полная чаръ, непонятно волшебная, страстная,
Въ огненный солнечный хмель увлекла меня,
Вѣчно Прекрасная, Жгучая, Властная,
Точно лобзанья огня...
Шелъ за Тобой я, унылой, безцѣльно страдающей,
Шелъ за Тобой по роскошнымъ, цвѣтистымъ путямъ
Видѣлъ въ очахъ твоихъ огонь ошущій
Розы и Ласки мечтамъ...

Каждый Твой Слѣдъ цѣловаль, упоенный
мечтаніемъ,
Каждый взрибъ, наклоненность пропѣлъ въ
восхищеніи,
Взъ порокоренчій Твоимъ Чарованіемъ,
Въ солнечномъ стихотвореніи.

Я ЖИВУ...

Я живу лобзаньемъ розы,
Ароматнымъ вздохомъ зорь,
Тучкой, выронившей слезы,
Солнцемъ, выткавшимъ узорь.

Я живу зазывнымъ звономъ
Въ небѣ рѣющихъ зарницъ,
Въ полусумракѣ зеленомъ
Переливнымъ пѣньемъ птицъ.

Я живу строкой напѣвной,
Вольной трелью соловья,
Хлопотливой, хрупкопѣвной
Струйкой свѣтлою ручья...

„ЗВЕНЬЯ“. *)

Въ грозахъ жизни, „Звенья“ золотыя
Я кую привычною рукой,
Пѣсни слышаю узывно-огневныя,
Чуть склонившись надъ работой головой

Пѣсню самъ пою призывную,
Всѣхъ съ собой на свѣтлый трудъ зову,
Теку картинность слова срывную,
Сказку феючую чуть вижу на яву.

Въ „Звеньяхъ“ сбывчивость завѣтнаго
мечтанья,
Въ „Звеньяхъ“ тайна заповѣдная Творца,
Лучъ забѣжный дагьчаго сіянья,
Кличь орлиный мощнаго борца.
Въ „Звеньяхъ“ Чары міра красокъ и со-
созвучія.

Волхвованія влюбленнаго юнца,
Пѣсни ласкѣ, изыскано пѣвучія,
Тайны Думъ грядущаго пѣвца.

1918 г.

КЕЛЬЯ.

Тамъ, на вершинѣ, на горѣ,
При свѣтѣ утренняго солнца
Я, растворивъ избы оконце,
Какъ на священномъ алтарѣ,
Въ сіяньи снѣга, въ серебрѣ,
Монаха келью замѣчаю,
Молитву тихую слагаю
И Бога чувствую въ душѣ.

1914 г.

---

*) Написано, какъ предисловіе къ журналу „Звенья“, не осуществившемуся не по винѣ редакціи.

ПРОРОКЪ.

Я жизнь безъ Бога не приѣмлю—
Травинкой каждыи властень Богъ—
И я, Его цѣлуя Землю,
Призыву царственному внемлю,
Бреду въ торжественный чертогъ.

И тамъ, склоненный въ умиленьи,
Передъ ликующей красой,
Шепчу молитвы въ упоеньи
Я, распростертый въ отдаленьи
Преображенною душой.

И съ каждымъ словомъ ядъ забвенья
Съ души сползаетъ, какъ туманъ—
И близокъ мигъ преображенья
И вѣтъ въ порывѣ иступленья
Несу я міру свой Коранъ!

Алексѣевскій рудникъ 1918 г.

СОНЪ.

Нѣ мраморномъ стоятъ я пьедесталѣ
Передо мною степь стлала свои кѣдры,
Обвѣты туманомъ сизой дали,
Одѣтые Творцомъ въ жемчугъ и янтари.

И видѣлъ я, что всѣ съ земного шара
Къ моимъ ногамъ голагомъ шли ея цари,
И вѣчная ихъ степь оберегала
Въ своихъ шатрахъ небесъ отъ зори до зари.

И за царями тупо дальніе народы
Въ покорномъ рабствѣ медленно брели,
Ища у ногъ моихъ покоя и свободы.

Но я молчалъ. Они, пришедшіе народы,
Кричали мнѣ:— Учитель, говори! —
Но я молчалъ. Имъ отвѣчали небосводы.

ЧАРОДѢЙ.

Въ паутину фантазіи бережно
Я ловилъ изумруды изъ лунныхъ лучей,
Я вставлялъ ихъ въ созвѣздія яркія,
Разжигалъ ихъ огнями церковныхъ свѣчей.

Я дворцы и палаты хрустальныя
Въ блескѣ лунныхъ лучей въ тишинѣ соз-
давалъ.

Обвивалъ ихъ туманами сизыми,
Бриллиантами звѣздъ, какъ пескомъ, насыпалъ,

Я манилъ въ нихъ весну благовонную,
Общала ей цвѣты свѣтлыхъ солнечныхъ
дней

И царницу—мечту окрыленную
Съ ней знакомилъ въ сіяніи лунныхъ лучей.

МОЕ СЕРДЦЕ.

Чуждѣй, тоткѣй шорохъ съ зовѣмъ,
Взвизгъ рлюги какъ во снѣ.
Жгучѣй, острѣй пламень глазокъ
И предчувствіе развязокъ
Свила въ нити сердце мнѣ.

Нѣти трепетныя тонки,
Чуть задѣнешь—оборвѣшь,
Какъ цвѣточныя корзинки,
Забавляясь пѣней звонкой,
Подъ кустомъ ногой сомнѣшь.

*
**

Я влилъ мечты, елей и мнѣ живой
Въ сосуды изъ фаянса дорогого,
Покрывъ зарю узорами фатой,
Обвилъ лучами солнца золотого.

Я сохранилъ поблекшихъ воспоминаій
Въ сосудахъ въ кучкѣ пацетъ на живой.
Разлилъ по жиламъ ядъ своихъ страданій,

Спатилъ мечту невѣдомой мечтой,
И правду я нашолъ въ сажомъ себѣ

Когда сломилъ гордыню сердца и души,
Въ тотъ дивный часъ шептали камыши
Мнѣ надъ рѣкой о будущей судьбѣ
И, втеля имъ я пѣлъ, и пѣснѣ за рѣкой
В оило эхо вспугнутой совой.

1916 г.

ПЕРЛЬ.

Дѣвица качалась подъ тѣнью березъ
И пѣсенку грустную пѣла—
И капля жемчужная, малая слезъ
На землю съ рѣсницъ улетѣла
И эту слезинку подобралъ пѣвецъ
И въ жемчугъ ее передѣлалъ
И свитый изъ лавръ, душистый вѣнецъ
Украсилъ сіяніемъ перла.

ДѢВИЦЪ.

Какою стройвою!
Какою гибкою
И б-злойною
Своей улыбкою
Вся увлекаться
И тонкой шейкою
Чуть извиваешься
Влюбленною змѣйкою,
Чаруешь тайныя
Мои мечтанія
И те случайныя
Ткешь общанія,—
Твоя улыбка, твоя
Твои влюбленія...
Я знаю срывчатость
Стихотворенія...

Ф Е Я.

Междѣ губокъ,
 Между зубочъ
 Серебристую струю
 Пропускаетъ
 И глотаетъ
 Дѣва—фея въ грудь свою;
 Ласка взора,
 Сѣть узора
 Заглядѣлись на луну;
 Дѣва дышитъ,
 Чуть колыхитъ
 Задремавшую волну...
 Тише, братья:
 Къ ней въ объятья
 Лучъ серебряный запалъ,
 Многоцвѣтный
 Незамѣтный
 Переливно задрожалъ...
 Дайте дѣвѣ
 На пригрѣвѣ,
 Въ волнахъ трепетныхъ лучей,
 Любоваться
 И смѣяться
 Тонкой прелестью своей.

НИМФА.

Грустная Нимфа на вѣткѣ сидѣла,
 Тихо качалась и пѣенку слѣла;
 Пѣенѣ ея молодая луна
 Грустно внимала, печали полна.
 — Я рождена была лиліей мѣ,
 Солнце мнѣ было родимымъ отцомъ;
 Разъ истомилась я, въ рѣчкѣ играя,
 Вышла на лугъ—и забылась сномъ.
 — Долго-ли, мало-ль спала—я не знаю,
 Только, проснувшись, родимой рѣчкѣ
 Я не нашла—и понынѣ блѣждаю,
 Полная грусти по ней и тоски“...

ПѢСНЯ.

Я длинныя косы душистой травой,
Играя, украшу искуской рукой,
Чтобъ милому другу русалки милѣй
Казалася въ блескѣ вечернихъ лучей;
Чтобъ онъ, очарованный чудной красой,
И станомъ и бѣлою грудью моею,
На марія очи съ улыбкой глядѣлъ
И гимнъ жасотъ мѣй радости пѣлъ;
Чтобы радость свою онъ со мною дѣлилъ:
Коль грустная я — онъ бы такъ-же грустилъ,
Коль пѣснь зачю — онъ смѣялся бы мнѣ,
Коль въ землю уйду — онъ въ объятія ко мнѣ,
Точно малый ребѣнокъ, рыдая-бъ упалъ,
И трупъ мой холодный безумно-бъ ласкалъ!..

Лѣто 1915 г.

КОЛЫВЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

— „Спи, сыночекъ дорогой,
И мани къ себѣ покой.
Сладкій сонъ, спокойный сонъ —
Намъ дороже жизни онъ;
Спи, сыночекъ, засыпай:
Ты во снѣ увидишь рай...
Видишь, ты весь просвѣтлѣлъ —
Значить, ангела узрѣлъ.
Онъ съ небесъ тебѣ принесъ
Два букета пышныхъ розъ;
Первый былъ составленъ имъ,
А второй — Творцомъ Самимъ.
Ты букеты тѣ храни
Подъ покрывами души:
Въ золотой оловѣ сновъ
Видимъ рѣдко мы боговъ...
Спи же, сынъ мой дорогой.
И мани къ себѣ покой:
Сладкій сонъ, спокойный сонъ —
Намъ дороже жизни онъ.“

Омскъ — 1915 г.

СКРИПКА.
(В. Графманъ.)

Въ пѣньи медлительномъ струнъ заколдо-
ванныхъ,
Тайными грезами красочныхъ сновъ,
Стройными сгибами словъ огнекованныхъ
Были намъ сказаны были міровъ.

Были узывнсти, слезы, рыданія,
Были печати въ дрожаніи струнъ,
Слышались скорбные стоны страданія,
Плакаль о комъ-то святой Гамаюнъ...

Души молились, а струны надрывныя
Звали съ собою въ божественный храмъ,
Гдѣ колдовали напѣвы узывные,
Плакали струны, струилъ фиміамъ...

Памяти В. И. Сурикова.

За голомъ годъ уходитъ въ безконечность,
И сходятъ люди въ царственность могиль,
Скользить во мракъ карающая вѣчность
Тропинками невѣдомыхъ свѣтилъ.

Но есть семья, безвременья потомокъ,
И ты въ ея кругу, суровый властелинъ,
По волѣ всталъ и вышелъ изъ потемокъ,
Чтобъ міру дать законченность картинъ.

И совершеньемъ воли Провидѣнья
Вписаль себя ты въ перечень вѣковъ,
Оставивъ намъ безсмертныя творенья,
Заставивъ жить прошедшее столѣтій,
Смотрѣть толпу съ развернутыхъ холстовъ
Глазами злыхъ безумныхъ лихолѣтій.

Весна 1917 г.

ЛЕБЕДЬ.

Столѣтній Лебедь, сѣдой и бѣлый,
Груститъ раздумно о прошлыхъ дняхъ
И видитъ, будто снѣ, прежній, смѣлый,
Круги спиралить въ рѣчныхъ волнахъ.

И въ сизомъ флерѣ мечтаній вольнѣхъ,
Отъ видитъ счастье прошелныхъ нѣй.
Когда на шири морей раздолныхъ,
Влюбленный, нѣжный, онъ пѣлъ о Нѣй.

И въ старомъ сердцѣ сзрѣли слезы:
Онъ былъ любимымъ, онъ самъ любилъ,
Но свѣтлыхъ счастій увяли розы—
Ихъ жизни пепелъ похоронилъ..

И старый Лебедь, сѣдой и бѣлый,
Роняетъ на пухъ грудей
И позабытый, осирѣлый
Поетъ и плачетъ средь качышей..

Алексѣевскій рудникъ.

ЧАЙКА.

Хрустальная чайка надъ озеромъ носится
и что то волнамъ говорить;
То, кажется, къ нимъ на покой она про-
сится,

То къ небу, тоскуя, летить.
И слышатся въ голоуѣ чайки печальной
Молитвы святыя слова,
Какъ будто въ лазури простора эмальной
Тамъ молится Богу она...
И влѣтъ улетающей чайкѣ, тоскуя,
Взываетъ больная душа:
— „Лети ты, о чайка, въ обитель святую
И тамъ помолись за меня!..“

1915 г.

СОКОЛЬ.

Мысли злой и мысли черной
Не боится соколь горный
Над провалами и мглами
Всѣтъ снѣжными крылами

Не боится ни стрѣльца,
Ни тяжелаго свинца,
Ни безумно—грозной бури
Въ царствѣ солнечной лазури:

Крылья бѣлые сильны,
Взмахи мощные вольны
Духъ не робокъ, не трусливъ,
Глазъ упругій не лѣнивъ—

И не мѣтъ въ него стрѣлокъ:
На полетъ онъ легокъ,
Не догнать его свинцу,
Не увидѣть и стрѣлцу—

Онъ потонетъ въ облакахъ
Или въ солнечныхъ лучахъ
Весь растаетъ, точно мгла,
Точно снѣгъ его крыла.

СОБАКИ

Собаки хищныя, голодныя Собаки,
Дома забытые ревниво сторожатъ,
И цѣпи ржавыя изъ шеяхъ ихъ висятъ,—
И воютъ, томясь отъ голода, Собаки.

Ихъ спины, старыя, косматыя, кривыя,
Дрожатъ отъ холода осеннею порой,
Лишь солнце спрячется за низкою горой,
И люди снѣжно дни заочпчатъ трудовые.

Давно у ихъ конуръ подошнія щенята
Комками мерзлыми уродливо лежатъ,
И самки съ горечью на трупы ихъ глядятъ

И хлѣбомъ дразнятъ ихъ пузатые ребята.

Самцы угрюмые обглоданные кости
Съ упорной завистью безжалостно грызутъ,
Ворчатъ и ссорятся и мѣсяцами ждуть—
Но съ пищей жъ нимъ не йдутъ желаемые
гости

...Не нужны людямъ, безумнымъ Собаки,
Въ саду за старыми трупѣными домами
Павшимъ за что то были мужиками...
Собаки хмурыя, голодные Собаки...

ДОРОГА

Я ѣхалъ одинъ.

Узкой лентой убѣгала отъ меня степная дорога. Мѣстами занесенная снѣгомъ, мѣстами же голая и ровная, какъ скатерть на столѣ, она убѣгала отъ меня далеко—далеко и тамъ, вдали, сливалась съ прозрачнымъ лазуревымъ небомъ. Казалось, что небо и снѣжная, какъ серебро на солнцѣ, степь не были такъ далеки другъ отъ друга. Вмѣстѣ сплетали собой огромный шаръ и внутри этого сѣдого шара свѣтило солнце, тонули въ синеватой дали лѣса и, качая изъ стороны въ сторону широкимъ задомъ, бѣжали лошадь съ саними.

И такъ было тихо внутри этого огромнаго шара, что даже шопотъ мысли можно было услышать порой.

Ни воронъ черный, ни галки—крикливыя госпожи полей—никто не нарушалъ святой тишины, а все остальное казалось не нужнымъ, далекимъ чужимъ.

Сѣдой шаръ былъ чистъ и ясенъ—откуда-то, будто, несло чье-то пѣніе. Властное, божественное, чарующее пѣніе несло изъ царствъ тишины, изъ царствъ, незримыхъ человѣку...

Кто же пѣлъ?—Вѣдь, никого не было внутри шара, кромѣ лошади, саней, да синѣющаго вдали лѣла. А пѣніе близилося и звучало такъ живо, какъ будто пѣла то сама тишина, рассказывая мнѣ, въ своихъ пѣснахъ, о какой то великой міровой, неразгаданной человѣкомъ тайнѣ. Она пѣла эта ласковая, любвеобильная, безконечно милая тишина. И пѣніе ея то звучало надъ самой головой, то опять удалялось куда-то.

Куда уходило то неуловимое, невидимое, манящее пѣніе?

Хотѣлось соскочить съ саней и ринуться туда, куда манило таинственное пѣніе, но, я вѣдь, ѣхалъ по дорогѣ, которая была въ серединѣ шара и такая узенькая—узенькая... А пѣніе званило, манило куда-то въ невѣдомыя страны.

Грустно и печально становилось на душе... Падалъ въ сани ничкомъ и рыдалъ... Жаль мнѣ было самого себя, что я не могъ ринуться туда, куда звалъ меня голосъ, куда манило счастье...

Узка была дорога, по которой я ѣхалъ и тяжело было тѣло для полета!..

Январь 1916 г.

II РОДИНА.

РОДИНЪ.

Не милъ мнѣ твой нарядъ убогій,
Одежды пышныя господъ,
Великолѣпные чертоги
И, на вселенскія дороги,
Вступившій робко, твой народъ.

Люблю великою любовью
Я ширь не скошенныхъ полей,
Снѣга, не залитые кровью
Избушки, крытыя къ зимовью,
И сказки медленныхъ ночей.

Люблю березки и осины,
Ненастный, тихій, скучный день,
Узоръ изъ тонкой паутины
И клетоть царственно—орлиный,
И всюду разлитую лѣнь.

Челябинскъ 1918 г.

ВЪТЕРОКЪ

Легкій вольный вѣтерокъ
Намъ лепечетъ былъ за былью,
Ткетъ узоры тонкой пылью
И размашистой кадрилию
Въ танцѣ гибкомъ мнетъ снѣжокъ.
— „Въ непрерывномъ, вольномъ бѣгѣ
„Струйки снѣглыя ловлю,
„Въ вѣсь бросаю, тороплю,
„Гонки звонкія люблю,
„Оставляя слѣдъ на снѣгѣ“!..
И стихійный, непонятный,
Бѣлокурый молодой
Вѣтеръ мщный удалой
Съ неба павшею звѣздой
Мчится въ дали необъятной...

Весна 1918 г.

Три этюда весны.

I.

По прекраснымъ цвѣтамъ, обновленная,
По серебряннымъ звѣздамъ, по млечнымъ
пулямъ

Возвратилась свѣта, сіянія, полная,
Молодая весна въ свой лазаревый храмъ.

Поцѣлуемъ ея обожженная.

Пробудилась Природа отъ зимняго сна
И, восторгомъ святымъ окрыленная,
Ей кричить: „Здравствуй Свѣта и Солнца
Жена!..“

II

Въ звенящемъ шелестѣ кружащихся снѣ-
жинокъ,
Въ цвѣтистой сгибности струящихся лучей,
Въ истонной нѣжности властительныхъ ночей,
Въ шуршащихъ порохахъ проснувшихся по-
лей,

Весна красавица спустилась къ намъ съ тро-
пинокъ.

д. Каштакъ.

III.

Въ струястомъ шелестѣ
Таежной прелести
Весна—Волшебница родилась нѣжная
И въ царство фейное
Пути тайными, путями снѣжными
Пришла изъ-за моря Весна лилейная.

ст. Тайга.

СУХОЙ ЦВѢТОКЪ

Горячей слезой умиленъ
Засохшій омокъ цвѣтокъ,
Отдамъ ему сердце бѣнья,
На стебель, какъ даръ украшенъ,
Надѣну цвѣтистый вѣнокъ.

Заставлю его распускаться,
Верну его къ жизни святой,
Заставлю съ весной цѣловаться,
Дворцами лѣсовъ любоваться—
И все это пылкой мечтой!

ЛАНДЫШЪ.

Снѣжистый ландышъ—
Сплетенье грезъ,—
Въ лѣсу я вступилъ въ,
Сорвалъ тихонько
И въ домъ унесъ.

Но ландышъ нѣжный
Въ кольцо стекла
Поникъ головкой:
Въ немъ радость жизни
Смерть отняла.

1916 г.

ФІАЛКА.

По тропинкѣ лѣса торной,
Въ сторонѣ въ тѣни березъ
Я фіалки благовонной
Вѣничекъ сорвалъ—вамъ принесъ.

Та фіалка—жизни лепетъ,
Пѣснь воздушная мечты;
Эта пѣснь—легкій трепетъ
Вашей скромной красоты.

МЕЖЪ ЦВѢТОВЪ.

Съ тонкимъ смѣхомъ подь сиренью
Ты изъ травъ вѣнокъ плела,
Любовалось гибкой тѣнью,
Межъ цвѣтковъ цвѣткомъ цвѣла.

Въ лунномъ блескѣ изумруды
Сѣтью лилій молодыхъ
Ты ловила и на груди
Осторожно едала ихъ,

Ты въ изгибистыя травы
Наряжала пряди косъ,
И смѣялся глазъ лукавый
Надъ кисейностью волосъ.

Въ стройныхъ пальцахъ ты держала
Нѣжно-аленый цвѣтокъ,
Лепестки съ него срывала
И кидала ихъ въ потокъ

— „Поглядите, поглядите,
Какъ его несетъ волна!
Дайте бѣгу! Не ловите—
Пусть играетъ съ нимъ она“...

И съ улыбкой вдоль потока
Въ забытѣ глядѣла ты,
Любовалась, какъ широко
Царство вѣчной красоты.

БУРИ.

Бури! Бури! Вихри—бури
Я люблю вашъ дикій бѣгъ,
Я люблю, когда въ лазури
Вы сойдетесь на ночлегъ!

Я люблю, когда съ зарею,
Свой покинувши покой,
Мчитесь тройкою лихою
Вы надъ матушкой—землей!...

КУДРЯШКИ.

Золотистыя кудряшки
Золотистымъ гребешкомъ
У малютки—замарашки
Мать чесала вечеркомъ

Золотистый гребешочекъ—
Золотистый лучъ луны,
Замарашка—ручеечекъ,
А кудряшки—бѣсъ волны.

Мать—луна, склонясь къ дитяти,
Золотистымъ гребешкомъ
Принимается чесати
Кудри въ сумракѣ ночномъ.

1916 г.

ВЪ ЛѢСУ.

Заузорили сосны старинныя
Опахалами глуби небесъ,
Тѣни кинули внизъ паутинныя,
Сны навѣяли силой чудесъ.

Въ воздухъ пролили чаши цвѣточныя
Ароматъ—приношенье зари,
Гордо вздвигивъ стебли полносочные
Гдѣ туманъ раскидалъ янтари.

Тихой сказкой обвѣяны пѣнія
Вольныхъ жителей вольныхъ лѣсовъ,
Запѣвающихъ въ миги томленія
Пѣснь любви серебромъ голосовъ...

Истомленный житейскими муками,
Апиваясь въ лѣсной глубинѣ
Уроматами, тѣнями, звуками,
Я молюсь всеблагой тишинѣ.

УЗОРНОСТЬ ЛѢТА.

Узорность лѣта—
Стихи поэта,
Шутливый шелестъ
Большихъ камышинъ
И злая прелесть
Опавшихъ вишенъ.
Узорность лѣта—
Огонь разсвѣта
И тихоструйность
Ручья подъ ивой
И поцѣлуйность
Мечты красивой.
Узорность лѣта —
Слова обѣта,
Святныя трели
Красивыхъ птишекъ,
Расцвѣтъ лилей
И снѣгъ ромашекъ.
Узорность лѣта—
Канва просвѣта
Въ лѣсу зеленомъ
Средь старыхъ сосенъ,
Гдѣ подъ уклономъ
Родится осень.

Лѣто 1918 г.

ТРИ ЭТЮДА ОСЕНИ.

I.

Межъ кустовъ закраснѣвшей лозины,
Въ грустномъ саванѣ сѣреныхъ тучъ
Вновь пришла ты на наши долины,
Солнце спрятало пламенный лучъ.

И заплакало небо ненастное
Надъ раздѣтою грудью земли,
Стихли пѣсни крестьянокъ согласныя,
Въ край далекій летать журавли.

Только ты надъ просторами голыми
Пѣсни скорбныя тихо поешь
И стопами сурово тяжелыми
Одинокая дальше бредешь.

II.

Точно мотылечки,
Желтые листочки
Падаютъ съ вѣтвей,
Грусти навѣвваютъ
И напоминаютъ,
Радость прошлыхъ дней.

III.

Осень въ брачныя вѣнчальныя уборы
Солнце въ медленномъ разбѣгѣ облекло,
Рѣзко выткало пѣтистыя узоры,
Въ чудный храмъ всеенскій Дѣву увлекло.

Тамъ она—невѣста Невѣстная—
Ждетъ желаннаго подъ радужнымъ вѣнцомъ,
Вся тиха, мечтательно—предѣстная
Въ ярко кремовомъ вуалѣ подъ вѣнцомъ...

Нѣтъ Его... И, красочно-печальная
Смотритъ въ даль она задумчивымъ зрачкомъ,
Слышитъ льется пѣсня обручальная..
Такъ вѣнчалась Осень съ Тайнымъ Жен-
хомъ...

Алексѣевскій рудникъ.

СЕРПЪ.

Отъ межи и до межи
Ходить, бродить серпъ во ржи,
Стелеть тонкой пеленой
Рожь надъ сонною землею.

Снопъ сплетаетъ за снопомъ,
Точно строить малый домъ;
За копною сѣшшитъ копну
Ставить въ полѣ. Не одну —

Много выставилъ коненъ,
Какъ бойцовъ со всѣхъ сторонъ
И любитъ на нихъ,
Каждый путникъ, если тихъ

И спокоенъ вечеръ дней
Грустной осени полей

ЗИМА.

Блѣдноликая, сѣдая,
Снова къ намъ зима пришла
И, сварливая, лютая,
Пѣсню злую завела:

— „Знаю, всѣ меня презрѣли,
Убѣжали отъ меня
И, моею внимая трели,
Тѣло грѣютъ у огня.

— „Но и въ избахъ о завѣтѣ
Пропую я имъ въ огнѣ:
Вы меня любили въ лѣтѣ —
Полюбите же во мнѣ!“

Алексѣевскій рудникъ 1918 г.

СНѢЖИНКИ

Мы, снѣжинки, какъ пылинки
Какъ элмачинки небесъ.

Съ неба падшемъ на землю.

На тайгу, на чернѣй лѣсъ

Мы на соснахъ, мы на елкахъ,

На вѣвяхъ уворныхъ ихъ

Тихо, ласково ложимся

И на солнышко глядимся,

Если день морозный тихъ;

Мы на елкѣ—богомолкѣ

На монашеской рясѣ

Сладко дремлемъ, Богу вцеплемъ.

Божьей молимся красѣ

Мы, игвая, отражаемъ

Солнца яркаго лучи—

И горять въ вечерню елки,

Въ рясахъ бѣлыхъ богомолки,

Какъ во храминѣ свѣчи.

ЗАПАХЪ СНѢГА.

Есть у снѣга запахъ лилій,
Запахъ тонкій чайной розы,
Одувановъ — легкокрылій,
Распустившейся березы.

Есть у снѣга запахъ клена,
Запахъ вишенъ и сирени,
Липы лѣтомъ расцвѣченной,
И лѣсной прохладной тѣни.

Есть у снѣга пѣсни пташекъ,
Гимны вольные кенара,
Лики желтые ромашекъ
Злое золото пожара

Есть у снѣга были-сказки,
Есть узычатя трели,
Что въ лѣсу, прищури глазки,
Слышать млѣющія ели.

Есть у снѣга зелень сосенъ,
Зелень съ запахомъ зеленымъ —
Все подъ снѣгъ сложила озябъ
Ароматность съ тихимъ звономъ.

Кто мнѣ скажетъ: — „Это глупость,
Нѣтъ у снѣга аромата,
Въ снѣгъ только злая скупость,
Злая сумерки заката, —

Тотъ не знаетъ, что у снѣга
Есть привѣтливая ласка,
Опьяняющая нѣга,
Ослѣпительная краска;

Тотъ не знаетъ, что въ паденьи
Каждой маленькой снѣжинки
Есть душистое цвѣтенъе,
Есть цвѣточные пылинки;

Тотъ не знаетъ, что съ цвѣтами
Вмѣстѣ солнце ихъ родило
И надъ пестрыми полями
Бѣлый цвѣтъ сильнѣй влюбил.

ГОЛОВКА.

Потъ воздушной кисеею
Прядя тонкія волосъ
Осторожною рукою
Снѣга сочною пыльюю
Пересыпалъ Дѣдъ Морезъ,

Зарумянилъ щети элымъ,
Залилъ губы багвецомъ
Съ тихимъ шопотомъ лучавымъ,
Напонятымъ невидимымъ,
Наклонился надъ плечомъ.

И о страсти шапчетъ Дѣвѣ,
Полонъ царственной любви,
Точно въ солнечномъ напѣвѣ
На полянѣ, на пригрѣвѣ,
Фей вѣжитъ ковыли

Дѣва млѣетъ .. Какъ быличка,
Клонить голову на грудь ..
А къ снѣжинкѣ лѣнетъ снѣжинка,
На рѣсницѣ больше льдинка ..
И дрожить она, какъ ртуть ..

Дѣва драмлетъ, леденѣтъ,
Струйки жара нѣтъ въ груди—
А подъ нею въ страсти млѣетъ
И снѣжинки съ неба вѣетъ
Дѣдъ-Морезъ въ мечтахъ любви.

Зима 1917 г.

ЗЕМЛѢ

Облеченная тайнами грезными,
Въ зачарованномъ кружѣ плещеть,
Въ таянъ ллительномъ мѣдленныхъ лѣтъ
Мчишься ты межъ престолами звѣздными,

Завершая заходомъ разсвѣтъ.
И, покорный твоимъ чарованіямъ,
Я—репещущій рабъ—властелинъ—
На печальномъ клѣбѣ руйнъ

Предаясь шопотливымъ рыданіямъ,
Полный счастьемъ и горемъ твоимъ.
Я—твой сынъ! Ты мѣ мать безконечная!
И, припавъ въ отдыхающей мглѣ,

Слышу твоей поцѣлуй на челѣ
И молю, чтобы мудрость и вѣчная
Вольно жить намъ дала на землѣ!

Лѣто 1918 г.

III. СИБИРЬ.

СОНЕТЪ.

Люблю Сибирь! Люблю ея просторы,
Ея полей пестистую фату.
Люблю тайги зеленые узоры,
Снѣжистую Алтая высоту,
Извивъ причудливый медлительной Оби
И быстрый бѣгъ сѣдого Енисея,
Люблю Байкала тайныя глубы,
Мгновѣнный взлетъ сибирскаго Ворея,
Люблю зимы суровыя порывы.
Бѣло-алмазные снѣжистые ковры
И солнца жгучаго южскіе жары,
И океана моря сонныя приливы.
И льдины-тереча, плывущія вдали..
Люблю за все Сибирь, сестру моей земли!

Красноярскъ 1916 г.

СИБИРСКИЙ ДУХЪ.

Сибирскій Духъ владѣть надо мной,
Упокой, пламенный, суровый и угрюмый,
Сквозившій царственно медлительныя луга
Моей души угрюмостью своей.

Я—рабъ его! И клятвой огневою
Навѣкъ скрѣпилъ себя съ обширностью

полей

Второй и первой, лучшей, родины моей,
Чтобъ съ ней идти дорогою одною.

И я пойду достойною тропой,
Чтобъ принести странѣ добытое трудами,
Какъ равный долгъ отцу межъ равными

сынами...

Сибирскій Духъ владѣть надо мной,—

И я, его покорный повелѣнчичъ,

Иду впередъ къ святымъ опредѣленьямъ!

СИБИРСКИЙ ВѢТЕРЪ.

Сибирскій Вѣтеръ, косматый, хмурый,
Кружится въ полѣ, въ кулакъ свиститъ,
Поетъ, кричитъ,
И хлещетъ воздухъ ракитою бурой!..

То плюнетъ въ небо комками пыли,
Сугробъ взъерошитъ на смѣхъ Пургѣ,
То, вдругъ затихнувъ, зашепчетъ были
Вдовѣ печальной — святой Тайгѣ ..

Тамъ вскинетъ гордо свой лобъ высокій
И захохочетъ, и завижитъ,
И убѣжитъ
На берегъ моря злой, одинокій.

Тамъ схватитъ льдинку, въ луну метнетъ,
И жлетъ покуда она, свертая,
На берегъ льдистый не упадетъ,
Сиявшемъ луннымъ, какъ въ мячъ, играя.

То разбѣжится, взлетитъ на горы,
Начнетъ каменья отъдѣ бросать,
И разрывать
Тумановъ сизыхъ межъ нихъ узоры.

То вздыбитъ волны на Енисѣй
И въ пляскѣ дивной ихъ закружитъ.
И въ небѣ синемъ ихъ плетъ развѣетъ,
Атласомъ тучекъ зашавелитъ.

То схватитъ съ неба рукой могучей
Звѣзду большую, — красу небесъ,
И броситъ въ лѣсъ,
Всегда спокойный, нѣмой, дремучій!..

Сибирскій Вѣтеръ, косматый, хмурый,
Кружится въ полѣ, въ кулакъ свиститъ,
Поетъ, кричитъ
И хлещетъ воздухъ ракитою бурой!..

Въ струяхъ вѣтра.

Въ струяхъ вѣтра свѣжесть есть,
Если близится цвѣтистая весна,
Если лилія задумала распѣсть,
Если скромныя—проснуться ото сна ..

Въ струяхъ вѣтра свѣжесть есть,
Если стояли таежныя снѣга,
Если вздумала узорности заплести
Въ небѣ синемъ густо-мглистая тайга ..

Въ струяхъ вѣтра свѣжесть есть,
Если треснули сверкающіе льды,
Если рѣки хотятъ мощно ихъ унести
Въ дали синія, могучестью горлы ..

Красноярскъ.

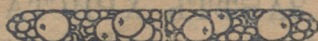

НА ЕНИСЕѢ.

Чутко дремлетъ сѣдолодистый
Потъ парчей снѣговъ цвѣтистой
Енисей межъ срывныхъ кручъ,
И скользить по немъ струисны
Солнца пламеннаго лучъ

Воздухъ полнъ ожиданья.
Не напрасныя лобзанья
Енисею солнце плетъ
Будетъ утро, часъ возстанья
Часъ, въ который треснетъ ледъ.

Будетъ шелестъ, шопотъ лѣзнокъ,
Пѣсня стаявшихъ сѣжинъ,
Вскрики, крики крупныхъ льдинъ,
Пляски радостныхъ струинокъ
На волнахъ въ волнахъ сѣдинъ.

IV. Дики жизни.

БОГЪ.

Что есть Богъ?..

Это блескъ ослѣпительный,
Это Гимнъ неземной, упоительный,
Это въ цвѣтикахъ розы разлитая Кровь,
Это сердца невиннаго Преза—Любовь;
Это Лепетъ полночный ребенка.
Это крылышекъ Трепетъ орленка,
Это Пѣснь отдаленной звѣзды,
Это Шопотъ бѣгущей волны.
Это Тотъ, Кто наполненъ красотами,
Это Тотъ, Кто живетъ надъ высотами,
Это Тотъ, Кто въ пространствѣ разлитъ,
Это Тотъ, Кто надъ міромъ царитъ,
Это Тотъ, Кому имени нѣтъ,
Это Тотъ, Кого славить поэтъ ..
Это Тотъ Непонятный, Властительный,
Это—Гимнъ неземной, упоительный,
Это въ цвѣтикахъ розы разлитая Кровь,
Это—юнаго сердца святая любовь.

СВѢЧИ.

Тихо въ храмѣ разливался
Свѣтъ агатовыхъ огней;
Воскъ струями расплывался
По лицу дѣвицъ—свѣчей,
Свѣчи плакали. Но слезы,
Были тѣ—какъ даръ небесъ;
Тихо имъ шептали грезы:
— „ Свѣчи, плачьте—Богъ воскресъ!
— „ Свѣчи, слезы восковыя
Не держите: Богъ воскресъ!
Къ намъ принесъ Онъ въ дни лютыя
Радость свѣтлую съ небесъ!“

ЗАВѢТЬ ХРИСТА.

— „Люби другъ друга. Люби брать брата“,
Христосъ Великій намъ завѣщаль.
— „Прости злодѣя и супостата“—

И съ этимъ словомъ Онъ умиралъ
И мы завѣты Его хранили,
Но были камни у насъ сердца —
И скоро—скоро мы позабыли
Завѣтъ великій отъ Мудреца...
Какъ раньше, стонетъ, какъ раньше, плачетъ
Нашъ первый близкій, нашъ другъ и братъ,
Хоть каждый въ Богѣ былъ духомъ зачатъ,
Какъ добрый близкій, такъ суностатъ.

ВЪ ХРАМѢ.

Узорный, постный свѣтъ лампадокъ малыхъ.
Протяжный звонъ вѣчныхъ въ синь
колоколовъ.

Склоненность длинная сугубая рядовъ
Подъ сводами часовень обветшалыхъ.
Моленье грѣшное тоскующихъ сердецъ,
Протяжность клиросаго цѣнья,
Кадильницъ дымныя куренья—
Все о Тебѣ великій гимнъ поетъ, Творецъ!.
Поюще внемли! Исполнь его прошенья:
Годами ждетъ онъ милости Твоей,
Какъ рабъ, приниженный усильями властей,
Въ минуты рѣдкя душевнаго смиренья,
Склонясь къ землѣ при видѣ властелина
И весь дрожа, какъ робкая осина.

ВЪ ЭТУ НОЧЬ.

25 декабря 1917 г.

Въ эту чудную ночь, истомленные люди,
Позабудьте вражду межъ собой,
Слейте въ братскихъ объятіяхъ братскія
груди,

Пойте гимны любви надъ землей.
Въ эту чудную ночь полюбите другъ друга
Будьте добры, какъ дѣти Христа,
Отрѣшитесь отъ власти слѣзного недуга,
Слейте въ общемъ лобзаньи уста.
Въ эту чудную ночь всепрощающій гонѣ
Въ царствѣ рабства и царствѣ крови

Зародился въ эпоху убійствъ и гоненій,
Чтобъ народамъ вѣщать о любви.
Въ эту чуждую ночь воздавайте моления,
Въ эту ночь вспоминайте Христа,
Въ эту ночь, позабы ш' на мигъ тревож-
ненья,
Пусть прошепчутъ молитву уста.

ПЕРЕДЪ МОГИЛОЮ БОРЦА.

Пали въ прахъ вѣмощная Россія
Передъ могилою борца!
Онъ Тамъ! Онъ весь могучій, весь смирѣнъ
Шелъ за тебя, шелъ до конца!
Склони къ нему молитвенныя очи,
Вѣнокъ изъ пышныхъ лавровъ своей
И въ свѣтъ дня, и въ грустную иракъ ночи
Молись ему и слезы лей!

ПРЯХА.

I.

Съ пѣсней звенящей
Гдѣ трѣвь шелестящей,
Надъ струнною трельностью струй стекло-
вадныхъ ручья,
Подъ тонкимъ сплетеньемъ листвы шопотли-
ваго тополя,
Въ изнѣженной гибкости знойныхъ лобза-
ній луча,
И въ пѣньи ласкательномъ вольнаго вѣтра
далекаго,
Въ хрустальной зеркальности дѣла, мечта-
тельно млбующей,
И въ мигъ предзакатный, задумчивый часъ
вечерюшій,
Прекрасно волшебная аласть жгучь пламен-
нбующихъ
И длинносплетенностью летъ, луно-блдно
алеющихъ,
Дѣвица пражу пржала

И тайна въ душѣ ея звонкой была.

II.

Тайны свои сокровенныя всё начѣ товѣдай,
дѣвица.

Пряжу зачѣмъ засучила ты въ тонкую нить?
Саванъ ли вздумала длинный и бѣлый со-
шить.

Чтобы въ него схоронить
Все, что когда то плѣнила собой, чаровица?

III.

— „Нить за нитью я тяну,
Точно зво-б-ю струну;
Сладко слушая волну,
Нить за нитью я тяну,
Саванъ длинный, саванъ бѣлый
Я сотку рукой умѣлой,
Чтобъ въ него похоронить
Все, что намъ мѣшало жить.
Пряжу тонкую давно
На свое вѣчено
Я тяну изъ вѣка вѣкъ—
Вѣчно сверченъ человекъ!
Въ саванъ длинный въ саванъ бѣлый
Вѣкъ за вѣкомъ посѣдѣлъ
Былъ ужъ мною облеченъ
И въ могилѣ погребенъ—
Время веѣмъ тепеѣ настало!
Что когда то насъ терзало,
Что мѣшало вольно жить—
Нужно все похоронить!
Я спѣшу за нитью нить
Быстрымъ пальцемъ быстро вить:
Много савановъ нашихъ
Надо, чтобы схоронить
Все, что намъ мѣшало жить
Вольной व्यюгой—вольнымъ быть!“

IV.

Съ пѣсней звенящей
Въ травѣ шелестящей,

Быстро дѣвица свиваетъ въ изгибныя нити
кудель,
Чтобы прошедшихъ временъ изотлѣвшіе трупы
Бросить въ провалы могильные
Мглистые, пыльные,
Гдѣ имъ сготовили черви постель.
Пища которыхъ—прошедшихъ временъ изотлѣвшіе трупы.
Первые дни революціи. Челябинскъ.

СТАРЫЙ СТОРОЖЪ.

Старый Сторожъ сталью простучалъ,
Старый Сторожъ Волю охранялъ,
Старый Сторожъ сталью простучалъ,
Въ Волѣ были лики нашихъ дней,
Въ Волѣ были трепеты огней,
Въ Волѣ были лики нашихъ дней.
Кто то тайный, темный пробѣжалъ,
Кто то тайный Волю похищалъ,
Кто-то тайный, темный пробѣжалъ...
Старый Сторожъ, Волю сохрани!
Старый Сторожъ, спящихъ всколыхни!
Старый Сторожъ, Волю сохрани...
Старый Сторожъ Воли не видалъ,
Старый Сторожъ крика не слышалъ,
Старый Сторожъ Воли не видалъ...
Волю Кто то тайный похитилъ,
Волю Кто то солнечно любилъ,
Волю Кто-то тайнчй похитилъ....

РАБЪ.

Не кричи о любви—
Я въ крови
Духъ мой золь и суровъ,
Тѣло въ нитяхъ желѣнныхъ оковъ...
Я на тѣлѣ моемъ
День за днемъ
Слышу звонъ цѣпей—
Радость свѣтлую жизни моей...
Не шепчи и не пой
Надо иной
О свободныхъ краяхъ—
Мнѣ свободнѣй въ суровыхъ цѣпяхъ!..
Я люблю ихъ давно!
Все равно
Буду плакать на волѣ
Объ утраченной мною неволѣ..
Не кричи о любви—
Я въ крови,
Но суровыхъ цѣпей—
Все равно я не сброшу съ груди!..

1917 г.

КРОВАВЫЕ РУБЛИ

Вершатели Судебъ — Кровавыя Рубли,
Тѣнями мрачными возстѣвши гадъ міромъ,
Вѣками были вы властительнымъ кумиромъ
Потомковъ сумрачной старѣющей земли.

Рукъ ю мудрой и упорной,
Кривой, черной
Вы были медленно обточены въ кружокъ
И брошены въ мѣшокъ
Чтобъ видѣть Западъ, Югъ и Сѣверъ, и
Востокъ.
И гордо вы шли надъ Землей обогреленной
кровью,

Къ гаснущему Солнцу, закинувъ безумье очей
Изъ мрака ночей,
Гдѣ вы торговали, какъ хламомъ, Любовью
Кружились въ безудержномъ танцѣ Судбы
И скалили въ смѣхѣ прогнившіе зубы,
И падали въ пропасть Времени отъ свирѣ
пой бобы...

И къ помощи звали зачтѣнія гбы —
Но всѣмъ вамъ змѣино смѣялся Наодъ,
Что вѣчно великій, творить съзаетъ,
Но рысье создатій всегда остается,
И самъ надъ собою въ создатѣяхъ смѣется.

И новые звенящіе, блестяще искристые
Рубли
На смѣну занувшимъ въ безвѣменье, яв-
ляясь изъ земли

Въ безумномъ бorenьи
Теряли звененье,
И, глухо бреча, какъ разбитый чугунокъ
Опять и опять погужались въ кровавыя
лужи
Разлитыя кѣмъ то на стужѣ
Изъ робкаго сердца разрывавшихъ струнъ...

Безмолве на Рубли—Властительные боги
 Судбы безжалостной стареющей земли
 Вы въ миръ безсильный, трететный, убоий,
 Слѣдами тарчмъ извѣзженной дороги
 Толпой с ихъйною вошли
 И гибичи, уцртимъ паьцами
 Сѣтъ цѣкую раскинутъ надъ робкими сѣд-
 цама,

Чтобъ покоить стихійность чело вѣю,
 Что миръ ела къ бзпѣльному вѣвчу,

И сталь онъ ваши въ преанны въ рабо въ
 Вы—цѣль его. И, рата гась, онъ брата
 уивзеть,

Вы—Вгъ его. И аболѣпно онъ склѣяетъ
 Свой гордый дхъ предъ искресты въ лицо въ
 Побѣдный имнь поющаго металлъ,
 Его-жъ р-кой извѣагаго изъ хулкаго кри-
 стала..

И голъ за одѣмъ
 Пройхутъ хо оволомъ,
 Какъ дѣвицы с ве рами тико бр дтъ за
 воюй

Чуть вадн й наклонной прибре нѣ тро ой.
 Въ сѣбѣмъ ся!

Лишь вы неизмѣнимо
 Въ бездонно тѣ вреени скольз етѣ на въ
 Зелѣй

Своей обычку тую ой
 Безшумно и нулочимъ.

1918 г.

КРЕСТЬЯНИНУ.

На поляны и на доли
И въ весну, и въ лѣт-ій жаръ
Выходи на трудъ тяж-лый,
Славно вынесшій ударъ.
Выходи въ поля съ кошницею,
Въ землю кинь свое зерно—
Колосистую пшеницею
Будетъ къ осени оно
Соберешь его въ овины,
Сложишь въ закромы, въ амбаръ—
Не страшень тогда с-дѣбны
Непр-двидѣнный ударъ!
Будетъ споренъ трудъ упорный
Не ужасенъ будетъ врагъ—
Не по сердцу миръ позорный,
Кровь пролившему за шагъ!
Съ хлѣб-мъ въ закромахъ амбара
Будетъ биться до конца;
У всемі-наго пожара.
Не видать еще конца

СЧЕТЬ.

Есть въ этомъ мірѣ свѣтлый хрустальный
дворецъ—
Онъ надъ вершинами воздвигнуть снѣго-
выми,
Обвилъ туманами и солнца золо-тыми
Лучами окружилъ, согрѣлъ его Творецъ.
Среди его колоннъ — царица Тишина,
Въ печальный трауръ Богомъ облеченная,
Скитается, какъ дѣва полоненная,
Весь длинный день у раствореннаго окна..
Она рыдаетъ. П-снью лебединою
Несется плачь. Сѣдою паутиною
Скутываетъ онъ нерукотворный Міръ;
Ласкаетъ землю, нѣгой ольян-ную,
Зоветъ меч-у—царицу окрыленную—
И мчится, трепетный, въ серебряную ширь...

БОРЦЫ.

Суровые борцы—карающіе боги—
Въ молчаньи трепетномъ медлительно со-
шлись

На бой обдуманнѣй, рѣшительнѣй и строгій,
Какъ двѣ змѣи, другъ съ другомъ обвились.
Обширный кругъ пришельцевъ любопытныхъ
За каждымъ мускуломъ утонченно слѣдитъ.
Чтобы въ движеніяхъ строго-первобытныхъ
Узвать впередъ, кто первымъ побѣдитъ
И палъ одинъ!.. Послѣднія усилія
По гордому лицу скользнули, точно тѣнь,
Какъ вихря хмураго раскинутыя крылья...
И чтобы завершить упавшаго паденье,
Забывъ любовь и царственную дѣнь,
Свистѣлъ народъ въ порывѣ дерзновенья.

БОРЬБА.

Мелькнули руки, мелькнули ноги
И видно лица въ розматой мглѣ,
И вскрикъ рздался, какъ ревъ далекій—
Боролись люди тамъ на землѣ.
Борцы ревели, борцы кричали,
Скрипѣли мышцы о кости рукъ
И слышно было, какъ скрежетали
Зубами люди—желѣзный звукъ!
Земля стыдилась, земля боялась
Свирѣпыхъ тудей и голыхъ тѣлъ
И, точно тряпка, вся рздиралась,
Когда сильнѣйшій свалить хотѣлъ
И пыль крутилась... И были раны,
Большія раны на двухъ тѣлахъ...
И палъ въ бореньи безумецъ пьяный—
И видно было, что смерть въ глазахъ!..

ИВАНЪ ГРОЗНЫИ.

Не пернатыхъ царь надъ птицей
Когти мощно распустилъ—
То надъ спящею дѣвицей
Взоръ Иванъ свой наклонилъ.
Онъ любитъся дѣвицы
Ду-огрезнымъ тихимъ сномъ
И изъ бархата рѣсницы
Шевелить у ней перстомъ.
То трепещущей рукою
Прикоснется ко грудямъ,
То надъ русой головою
Склонить голову и самъ;
То къ ея губамъ, въ которыхъ
Дремлютъ три огневыхъ
Города своей узоры
Наклоняетъ снѣговые,
То порывистымъ лобзаньемъ
Царскихъ губъ ее зажжетъ—
Переливистымъ дрожаньемъ
Груть дѣвицы всколыхнетъ..
То зашепчетъ, какъ ребенокъ:
— „Спи, красавица моя,
Сонъ твой нѣженъ, сонъ твой тонокъ.
Точно звонкая струя...
— „Спи, красотка, не нарушу
Сладкій сонъ твоихъ очей,
Сохраню святую душу
Подъ державою моею
— „Прочь дурныя сновидѣнья
Тихимъ шопотомъ сгоню
Въ часъ твоего пробужденья,—
Въ колокольную зазвоню!
— „Прикажу, чтобы дѣвицы
Облекли твой стройный станъ
Въ золотой нарядъ царицы,
Изъ заморскихъ взятый странъ.
— „Діадемой золотою
Повелю волну волосъ
Подобрать и сплестъ косою

И смочить струями росъ...
— „Будешь ты моей женою,
Буду я тебя любить,
Будешь ты порой ночью
Мнѣ рассказы говорить;
— „Будешь говоромъ дѣвичьимъ
Души черныя стогать,
Воркованьемъ звонкимъ, птичьимъ
Сердце старое ласкать“...
— И замолкъ... И пробудилась
Въ изотлѣвшемъ сердцѣ страсть,
Бурей—вихрями вскружилось,
Чтобъ безсильно послѣ пасть...
Страстнымъ трепетомъ оъятый,
Царь съ дѣвицы снялъ нарядъ
И на красный шелкъ измятый
Ложа сбросилъ свой нарядъ
— Полюбъ, краса—дѣвица
Дай познать твою любовь,
Будь со мной, орломъ—орлица,
Слей твою съ моею кровь!..
И пылающимъ лобзаньемъ
Онъ къ ея приникъ губамъ
Обольщающимъ шептаньемъ
Наклонился къ волосамъ—
Но беззвучно спать дѣвица,
Груди бѣлыя дрожать,
На устахъ горить зарница,
Беззаботно дремлетъ взглядъ
— „Ты не хочешь? Такъ заставлю!
Въ мѣхъ медвѣдя наряжу,
Злыхъ собакъ пушу на травлю—
На колесахъ закружу!..
— „Оболью смолой кипучей,
Кости счесть въ рукахъ велю
На помостъ взведу скрипучій
Предъ опричной обнажу!..
— Что жъ? Молчишь... Такъ, гей! Малюта!
И вошелъ кровавый пѣсь
Злой, безжалостный Малюта—
И красавицу унесъ,

ВОРОНЫ.

Чернымъ кружевомъ кружатся Черные Во-
роны

Въ разныя сторны,
Мрачное горе народу сулятъ,
Злыя несчастья свѣвають крылами
Надъ головами
Тѣхъ, что бессонно стихійно спѣшать
Впередъ и назадъ,
Въ бѣгѣ мышicomъ слѣпыми глазами
Солнца не видятъ въ сѣяны лучей—
Тѣни, скользящія въ мракѣ ночей,
Цѣпою за жизнь ухватившись пальцами...
Что вы кричите кичливыя Птицы?
Дайте увидѣть слѣпому зарницы,
Слухъ усладить перепѣвомъ ручья,
Лицомъ почуять лобзанье луча!..
Чернымъ кружевомъ кружатся Черные Во-
роны

Въ разныя стороны,
Мрачное горе народу сулятъ,
Спорятъ, кричатъ.
Судьбы пророчать служителямъ Рока
И излѣка
Слышать молвѣ людскихъ не хотятъ...

V. Изъ трагедіи: „Человѣкъ на Преисполнѣ“

ПѢСНИ КАПЕЛЬ.

I Капля (поетъ, разбѣгаясь).

— „Я съ горной вершины
Сбѣжала въ долины
И рѣчкой холодной
Въ просторное море
Внесена; безродной
Гуляю теперь на просторѣ“...
II (журчитъ).

— „Я съ вѣтромъ рожденная,
Ручьями вскормленная,

Подъ небомъ скитую,
Лучомъ умчаюсь
Входящей луны
Въ часть нѣкую тишины“

III (струисто)

Я каплею жидкой
На зѣблю унылой
И въ вѣчную тѣнь,
Но время не ахнетъ,
Меня здѣсь не стѣснѣтъ—
Тамъ буду, гдѣ раньше былъ..
(Все три вмѣстѣ поютъ, разбѣгаясь).

Мы сестрички рожденныя, рожденныя
Серебристой пѣнкой въ тѣни,
Свѣтъ намъ солнцамъ свѣтитъ ражалоуныя,
Полнимъ емся асто съ земли
Часомы на высотѣ
Пусть безцѣльный соершится
Въ унылой неба красотѣ
Тѣница блѣдная купе въ,
Часомы съ сѣбжистыхъ врытъ
Облѣвъ въ то взираемъ,
Что отъ насъ уи не сокрытъ,
Чо земной мы называемъ—
Но мы не знаемъ гечи и тѣмныи
Мы беззаботно живемъ подлѣ луной..

ПѢСНИ РУСАЛКИ.

(Русалка всплываетъ надъ моремъ).

И зъ кувшѣнокъ и лѣлій
Весь мой теремъ сплетенъ
Въ шумъ волнъ перелѣвный,
Точно въ сонъ, погруженъ.
Тамъ на влажной перинѣ
Я лежала одна—
Вдругъ твой—голосъ призывный
Долетаетъ до дна
И, пошевели дожде,
Я вѣсело къ тебѣ...
Отвѣчай мнѣ на что-жъ
Звалъ Русалку къ себѣ?

Пауза. Поетъ, улыбая.

Я лучами заката играю
На поверхности водъ;
Я страданій народа не знаю—
Я живу безъ заботъ.
Я люблю утопающихъ
Гдѣ бездны водъ утлекать
И съ лѣтѣй расцѣпляющихъ
Лечески обрывъ тѣ.
Я люблю злѣтѣтѣя
Кудри ночью есть,
Звѣзды. Яркіе лучистыя
Въ ихъ извивы влѣтать..

Фейныя пѣсни.

(Феи вѣжатыя игрою на полянѣ).

ФЕЯ ЛИЛІИ.

Я покинула лилеи
Вѣломъ мѣрную чашу—
Вся для васъ пѣрлѣи—феи,
Чтобъ не рознить дружбу нашу

ФЕЯ ЛАНДЫША.

На болотно^е трясины^х
Бѣлый ландышъ пѣть.
Онъ въ свѣжистъ^е орѣхъ
Аромъ тѣ бѣраже тѣ.
Этотъ чудный напитокъ
Я въ полуночный часъ
(Ландышъ троечъ и гибокъ)
Выпивала не разъ.
Но сегодня пусть чуждый,
Онъ его бережетъ
И кувши тѣ бѣдосѣвный
Стѣбелкомъ подопретъ
Такъ, чтъ бѣ вдругъ не ашлескаль
Тѣ, что мнѣ оберегалъ.

ПЕРВАЯ НАЯДА.

Въ это время на соснѣ
Я качалась въ полуснѣ,
Но сегодня покидаю
Олинокую сосну,
Дольше съ вами поиграю
А потѣмъ на ней сну.

ВТОРАЯ НАЯДА.

Я на елочкѣ играла
Вмѣстѣ съ бѣлкою въ орѣхи
То на землю ихъ бросала
Временами для поѣхъ,
Бѣлка выше ихъ взлетѣла,
Но сегодня пусть онъ
Вечеръ рѣзвится одинъ.

НИМФА

Я на свѣтлой полянѣ,
Озаренъ оу луной
Въ себебристомъ туманѣ
Стѣль травы молодой
Одѣвалъ въ рубины
И ткла паутины
Вернуть луны золотой
Бѣзобидной рукою—
Но сегодня для васъ

Я счастливѣйшій часъ
Позид ю, подруги, о отн...
Ну дайте-жъ играть беззботно!..
(Всѣ вмѣстѣ).

Нимфы, феи и наялы,
Скиньте тѣнные наряды,
Чтобы щедрое свѣтило
Наши тѣльца пообмыло.
(Скидываютъ наряды и шумно купают-
ся въ воздухѣ поютъ).

Хорошо намъ въ синеѣ
Какъ на шелковой травѣ,
Въ золотыхъ лучахъ купаться
Ихъ сіяньемъ умываться;
Хорошо намъ въ блескъ лучистый
Кольца кудрей увивать,
Хорошо намъ воздухъ чистый
Станетъ грудки омывая.
Намъ пріятны поцѣлуи
Солнца пламенныхъ лучей:
Ихъ пылающія струи
Проникаютъ въ глубь грудей
И чаруютъ ихъ, лобзая,
Въ поднебесной сичевѣ—
Хорошо намъ, такъ играя,
Нѣжить тѣльца на травѣ.
(Вбѣгаетъ фея, встревожена).
ФЕЯ.

Встаньте, встаньте! Къ намъ мужчина
Приближается печальный...
У него въ рукѣ—дубина,
Плащъ на немъ—плащъ погребальный!..
(Быстро одѣлись. Входитъ человекъ.
Между нимъ и феями происходитъ
разговоръ и на его вопросъ, что зна-
ютъ онѣ о народѣ, его нуждахъ, стра-
даніяхъ и пр., отвѣчаютъ.)
НИМФА.

Въ яромъ свѣтѣ, въ свѣтѣ солнца
Ловимъ смѣлой мы рукой
Разноцвѣтныя суконца,
Ярко тканныя луной.
То ея лучи цвѣтныя,

Бриллиантные лучи
Тянемъ въ царства водяныя,
Гдѣ колышутъ камыши.
Ими мы рядимъ русалокъ,
Озаряемъ глубь морей,
Стаи дремлющія галочъ
Будимъ въ сумракѣ ночей;
Ихъ сиянемъ многозвоннымъ
Въ тѣни липы вѣковой
Любо намъ, четамъ влюбленнымъ
Помѣшать порой ночной ..

ФЕИ.

Мы, рожденныя цвѣтами,
Лишь цвѣточки бережемъ,
Мы играемъ съ мотыльками,
Ароматы имъ даемъ
Мы не вѣдаемъ страданья.
Незнакома намъ печаль —
Мы изъ луннаго сіянья
Ткемъ воздушную вузь,
Ей мы свѣтлыя поляны
Одѣваемъ какъ въ туманы
И по ней небесъ красу —
Сыплемъ чистую росу!..

(Получивъ отвѣтъ, человекъ уходитъ,
и снова заливаются ароматомъ радости
феи и нимфы).

Феи, радость
Солнышко грѣетъ
Давайте-жъ опять,
Пока вечерѣетъ,
Тѣла умывать...

(Скинули платья свои безтѣлесныя дѣ-
ти ээира и съ пѣніемъ растаяли въ
воздухѣ).

1916 г. Красноярскъ.

Оглавленіе:

Свѣжія зерна ст. А. Г. Туркина.

Слово отъ автора.

I Лирическія стихотворенія

Въ саду	1
Плодъ	1
Повѣи	1
Я живу	1
„Звеня“	1
Келья	1
Пророкъ	1
Сонъ	1
Чародѣй	1
Мое сердце	1
Въ вильдъ-мелтунъ-едей-волокъ	1
Пермь	1
Лѣвицъ	1
Фед	1
Нимфа	1
Пѣсня	9
Колыбельная пѣсня	9
Скрипка	10
Памяти В. И. Сурикова	10
Лебедь	11
Чайка	11
Соколы	12
Собаки	12
Дорога—стихъ въ прозѣ	14

II РОДИНА

Родинѣ	15
Вѣтерокъ	15
Три этюда весны	16
Сухой пвѣтокъ	17
Ландышъ	17
Фиалка	17
Межъ пвѣтовъ	18
Буря	18
Кудряшки	19
Въ лѣсу	19
Узорность лѣта	20
Три этюда осени	20
Серпъ	22
Зима	22
Снѣжинки	23
Запахъ снѣга	24
Головка	25
Земля	26

III СИБИРЬ

Сонетъ	-	-	-	-	-	27	"
Сибирскій Духъ	-	-	-	-	-	27	"
Сибирскій Вѣтеръ	-	-	-	-	-	28	"
Въ струяхъ вѣтра	-	-	-	-	-	29	"
На Енисей	-	-	-	-	-	29	"

IV ЛИКИ ЖИЗНИ

Богъ	-	-	-	-	-	30	"
Свѣчи	-	-	-	-	-	30	"
Завѣтъ Христа	-	-	-	-	-	30	"
Въ храмъ	-	-	-	-	-	31	"
Въ эту ночь	-	-	-	-	-	31	"
Передъ могилою борца	-	-	-	-	-	32	"
Пряха	-	-	-	-	-	32	"
Старый Сторожъ	-	-	-	-	-	31	"
Рабъ	-	-	-	-	-	35	"
Кровавые Рубли	-	-	-	-	-	36	"
Крестьянину	-	-	-	-	-	38	"
Сонетъ	-	-	-	-	-	38	"
Ворцы	-	-	-	-	-	39	"
Борьба	-	-	-	-	-	39	"
Иванъ Грозный	-	-	-	-	-	40	"
Вороны	-	-	-	-	-	42	"

V Изъ трагедіи „Человѣкъ на Престолѣ“

Пѣсни Капель	-	-	-	-	-	42	"
Пѣсни русалки	-	-	-	-	-	44	"
Фейныя пѣсни	-	-	-	-	-	44	"

Л. 504.

ЦѢНА 2 Р. 50 К.

